

Ягубов Борис Алексеевич

"ЦЫГАНСКИЙ ТЕКСТ" И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена становлению и функционированию "цыганского текста" в пределах русской культуры, в том числе появлению различных художественных типов цыган, как "отрицательного" и "положительного", так и "нейтрального", из которых с течением времени предпочтение было отдано "положительному" типу, затем культивируемому и неоднократно воспроизводимому.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 208-212. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8

Филологические науки

Статья посвящена становлению и функционированию «цыганского текста» в пределах русской культуры, в том числе появлению различных художественных типов цыган, как «отрицательного» и «положительного», так и «нейтрального», из которых с течением времени предпочтение было отдано «положительному» типу, затем культивируемому и неоднократно воспроизводимому.

Ключевые слова и фразы: «цыганский текст»; А. Пушкин; Л. Толстой; Ф. Достоевский; «фараоново племя»; культурное клише.

Ягубов Борис Алексеевич

*Литературный институт имени А. М. Горького
bor-yagubov@yandex.ru*

«ЦЫГАНСКИЙ ТЕКСТ» И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ®

Интерес к древнему, «полдикому» [25, с. 26] народу, за плечами которого долгий исторический путь, скитания и преследования, возник в русском обществе достаточно рано. При этом культивировался идеализированный образ цыган, хотя и личный опыт, и дружеские связи, и даже родство русских литераторов с представителями «фараонова племени» давали возможность убедиться: психологический тип «цыгана», сформировавшийся по большей части в контексте романтической литературы и воспринимавшийся как тип человека, для которого законы своего народа и собственное понимание категорий «свобода», «независимость», «любовь», «верность» выше условностей цивилизации, в реальности едва ли существует. Такой тип, по нашему мнению, был выбран из нескольких возможных, а затем канонизирован. Процессу вписывания «цыганского текста» в систему русской культуры и выработке психологического типа «цыгана» посвящена данная статья.

1. Кочевые цыгане занимались традиционными ремеслами: мужчины ковали, выделывали медную посуду, торговали лошадьми, цыганки предсказывали будущее и попрошайничали. Неудивительно, что народ, резко обособившийся от коренного населения, не гнушавшийся ни воровством, ни мошенничеством, породил недоброжелательное к себе отношение.

В отличие от Европы, где имели место массовые преследования, в Российском государстве цыгане преследованиям не подвергались, им разрешалось проживать на всей территории страны, вступать в городское или сельское сословие, либо кочевать. При этом они не теряют национальной идентичности и приверженности к особому жизненному укладу. Об этой характерной черте, которую можно наблюдать у представителей «цыганского племени», где бы они ни жили, например, у испанских цыган, упоминал В. Боткин [3, с. 87]. Мнение его полностью созвучно с мнением П. Вяземского, высказанным в статье, посвященной поэме «Цыганы» А. Пушкина: «Замечательно, что сие племя... везде сохраняет неизгладимые оттенки какого-то первоначального бытия своего и что сии оттенки не сливаются, по крайней мере во многих чертах, с нравами туземцев, между которыми они искони ведутся. В самых городах являют они признаки кочевой жизни: временем и законным образом укорененные в гражданских обществах, они как будто все на переходе и готовы наутро сложить палатки свои для переселения» [4, с. 75]. Пожалуй, эту посылку можно считать основополагающей.

Исторические и чисто практические причины – пребывание в пределах Российского государства – подготовили почву для появления цыган в пространстве русской культуры. «Вхождение», которое относят к концу XVIII в. [31, с. 23], осуществлялось различными путями, что со временем, когда этот культурно-исторический феномен на российской почве полностью сформировался, послужило основой для двойственной его оценки.

С одной стороны, цыгане стали объектом интеллектуального и художественного интереса. Перечислим лишь некоторые факты. Так, в театре графа А. Воронцова в 1790-х гг. шла опера «Цыган» (известно, что опера была русской) [13, с. 277]. М. Виельгорский работал над оперой «Цыгане», в написании либретто которой принимал участие А. Пушкин. В 1828 г. состоялась премьера оперы А. Верстовского «Пан Твардовский», среди действующих лиц были и цыгане, а хор «Мы живем среди полей» стал очень популярен.

Итак, народ, несмотря на лишения, не растерявший жизнелюбия, легко расстающийся с материальными ценностями, отмеченный особой тягой к свободе, был воспринят не просто сочувственно: цыгане во многом идеализировались, искусство их оказалось востребованным.

С другой стороны, «рыночная» стихия, сопутствовавшая этому искусству, обуславливала коммерческий подход: снижалось профессиональное мастерство, а некий «цыганский канон», выйдя за пределы собственно цыганской культуры, все более терял содержательное начало [7, с. 25].

2. В течение достаточно долгого времени сам факт существования цыган никак не затрагивал внимания широких слоев русского общества. Однако в конце XVIII в. граф А. Орлов распорядился прислать ему из Молдавии цыган с хорошими голосами. Поселили цыган в имении графа, записав крепостными деревни Пушкино.

Цыгане, исполнявшие таборные песни и пляски, выступали во дворцах Орлова, Потемкина, Зубова, Зорича, давали представления в Марьиной роще, Новинском и Сокольниках – излюбленных местах народных

гуляний. Особая манера пения, когда лирические рулады сменяются выкриками, а потом переходят в танец с притопыванием, резкими выкриками и прихлопыванием по бедрам и груди, завораживали публику.

В дневниках А. Герцена имеется запись, где передано впечатление от выступления цыганского хора: «Музыка цыган, их пение не есть просто пение, а драма, в которой солист увлекает хор – безгранично и буйно. Понять легко, почему на вакханалиях цыгане делают такой эффект» [5, с. 279].

Но цыганский хор вряд ли приобрел бы столь широкую популярность, исполняя цыгане песни лишь на родном языке.

Русские народные песни, которые затем на десятилетия вошли в репертуар, начал собирать уже руководивший хором Иван Трофимович Соколов (1740-е – 1807 г.). Кроме того, цыгане включали в репертуар песни из рукописных и печатных песенников конца XVIII в., «русские песни» Ф. Дубянского, А. Жилина, А. Плещеева, а также песни, исполнявшиеся городскими песельниками и торбанистами.

После смерти хоревода цыганский хор возглавил Илья Осипович Соколов (1777-1848 гг.). При нем цыганское исполнительское искусство в России достигло необычайных высот. Он был не просто одаренным гитаристом, дирижером, танцором, его хор превратился в подлинный театр песни, развивавший искусство драматически выразительного пения. Илья Соколов собирал и транскрибировал для цыганского пения русские народные песни («Лучина», «Не бушуйте вы», «Заходили чарочки»), русские городские песни («Слышишь ли мой сердечный друг», «Хожу я по улице»), а также песни на стихи известных отечественных стихотворцев. Эта колоритная личность запечатлена в произведениях многих авторов. Например, «старый хрыч цыган Илья» [22, с. 219] упоминается в пушкинском наброске 1831 г.

Даже Л. Толстой, не встречавшийся лично с Ильей Соколовым, для придания исторической достоверности считал необходимым в повести «Два гусара» обрисовать несколькими штрихами эту яркую фигуру [29, с. 280-281].

Незадолго до Отечественной войны 1812 года цыгане графа Г. Орлова были освобождены из крепостной зависимости. Ансамбль поселился в Москве, где давал многочисленные представления. Часто выступали цыгане и в других городах. Значительную роль в том, что московский цыганский хор приобрел огромную популярность, сыграло наличие одаренных солисток.

Цыганка Стеша (1787-1822 гг.) начала петь в хоре еще ребенком. Слушатели замечали, что ее голос отличался широтой диапазона и особой окраской тембра. Отточить мастерство помогли занятия с педагогом итальянской школы, что в немалой степени способствовало раскрытию ее таланта. Существует ряд свидетельств о встрече в Москве молодой цыганки со знаменитой певицей А. Каталани. Упоминание об этом находим мы и в поэтическом послании, адресованном княгине З. Волконской, сопровождавшем поэму «Цыганы» [22, с. 12]. Особо надо отметить, что Степанида Сидоровна была одной из первых певиц, начавших исполнять песни, созданные русскими композиторами.

В 1830-е гг. признанной примадонной московского хора цыган стала Татьяна Дмитриевна Демьянова (1810-1876 гг.). Она, в отличие от Степаниды, не брала уроков у преподавателей оперного пения. С самого юного возраста она ездила с хором на представления, которые и стали школой сценического мастерства. Насколько высоким оказался исполнительский талант цыганки, можно судить по свидетельствам современников, а также по стихотворным строкам, посвященным певице. Так, Е. Ростопчина пишет: «Душа внимает ей с тревожным наслаждением» [25, с. 27]. Очарованный Татьяной поэт Н. Языков воспел ее в стихотворениях «Весенняя ночь», «Перстень» и «Элегия» [32].

О репертуаре того периода можно судить по воспоминаниям самой Демьяновой, записанным с ее слов в 1875 г. [16, с. 133]. Она рассказывала, что в пору ее юности появлялись уже сочиненные романсы, а до того цыгане пели в основном русские народные песни [Там же, с. 136].

Среди других цыганских исполнителей, чья слава гремела в 1830-1840-х гг., следует назвать Ивана Васильева, который не только пел, но и управлял хором Ильи Соколова, когда тот не мог сам руководить ансамблем. Хор под управлением Васильева исполнял такие романсы А. Варламова, как «Горные вершины», «На заре ты ее не буди», «Не отходи от меня», «Кубок», «Ох, болит» [6, с. 344-355]. Васильев стал первым цыганским музыкантом, чьи романсы и песни издавались в собраниях «Цыганский табор», выдержавших несколько переизданий, с именем его связывают и возникновение плясовой «Цыганочка».

Взаимное влияние и обогащение русской и цыганской культур не ограничивались тем, что слушатели внимали пению, а исполнители, в свою очередь, перепевали русские народные песни и песни русских композиторов. Немалое значение имело и то, что многие представители культурного слоя русского общества общались с «фараоновым племенем» в повседневной жизни.

В 1822 г., путешествуя по Молдавии, А. Пушкин около месяца провел в цыганском таборе в селе Бусук; впечатления, полученные от общения с цыганами, нашли отражение в его творчестве [30, с. 301-308].

Хорошо известен и тот факт, что А. Пушкин в конце 1820-х гг. неоднократно посещал цыган, а 1831 г. встречал с «цыганами и Танюшей» [23, с. 140]. По воспоминаниям той же цыганки Тани, поэт плакал, когда она пела ему накануне его свадьбы подблюдную песню [16, с. 135-136].

Неоднократно она встречалась с А. Пушкиным в доме у его друга П. Нащокина, чьей сожительницей была О. Солдатова, дочь цыганки Стеши, также известная певица и гитаристка (поэт стал крестным отцом их ребенка).

На цыганке Авдотье Максимовне Тугаевой был женат Ф. Толстой-Американец (названный в стихотворении П. Вяземского еще и «цыганом»). Его однофамилец С. Толстой был женат на хоровой цыганке Маше Шишкиной. Он же познакомил своего брата Л. Толстого с творчеством и бытом хоровых цыган Москвы и даже учил его цыганскому языку [24, с. 57].

Иван Васильев дружил с А. Григорьевым и А. Островским, неоднократно вместе с хором выступал у Е. Ростопчиной и Н. Павлова.

Существует немало воспоминаний о том, какое впечатление произвело искусство цыган на выдающихся писателей и композиторов XIX в. М. Глинка, который еще в молодости слышал, как Стеша пела романс «Ах, когда б я прежде знала» на слова И. Дмитриева, сочинил песню на те же слова, указав в подзаголовке рукописи, кем песня была пета.

Однако цыгане занимали столь важное место в русской культуре не только потому, что искусство их высоко ценилось. Функция цыган в общественной и социальной жизни была по-своему значительна: «Для русского дворянина XIX в., а во второй половине его – и чиновника, строгая урегулированность жизни нормами светского приличия, иерархией чинов, сословной или бюрократической, определяет то, что отдых начинает ассоциироваться с приобщением к миру кулис или табора» [14, с. 52].

Также надо отметить, что хотя цыганская культура оставалась «культурой кабака», а певичцы и танцовщицы являлись предметом купли-продажи у представителей своего племени, в увлечении «цыганством» отразился романтический настрой времени, четко выявились чаяния и духовные устремления.

3. Для понимания «цыганского феномена» важна следующая закономерность: в русской литературе функционировали два основных типологически различных образа цыган, воплощавших противоположные концепции их жизни и занятий. С одной стороны, это образ, формировавшийся в пределах русской сатирической поэзии, отчасти прозы, и прозы мемуарной, где авторы выступали, скорее, бытописателями, чем аналитиками. С другой стороны, это образ, сформированный в русской лирической поэзии, а также в романтической или ранней реалистической прозе.

В первом случае образ цыган формировался если и не полностью отрицательный, то близкий к таковому. Существование отрицательного образа цыгана, вероятно, следует отсчитывать с момента появления поэмы В. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1769 г.), один из персонажей которой, обладавший необычайной способностью к обману, сравнивался с другими обманщиками:

Не только чтоб цыган или коварный грек,
Не мог бы и француз провесть его вовек.
Такие он имел проворства и затей,
Каких не вымыслят и сами иудеи [15, с. 91].

Лживость, криводушие, по-видимому, составляют для автора основу цыганского характера. В ином перечислительном ряду, где, кроме лживости, упомянуты и другие, как положительные, так и не лучшие черты человеческой природы, цыган, тем не менее, носитель все того же отрицательного свойства [Там же, с. 105].

Впоследствии лживость считалась неотъемлемым качеством «цыганского племени». Например, в комической опере А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779 г.) утверждалось, что цыганом зовут того, «кто умеет жить обманом» [1, с. 247].

В дневнике С. Жихарева приводится текст басни «Цыган». Герой ее труслив и нечестен: начав тонуть, он пообещал награду за спасение, а выбравшись из воды, стал отказываться от своих слов [10, с. 158-159].

В поэме В. Пушкина «Опасный сосед» представители цыганского племени нелестно упомянуты наряду с ямщиками и гулящими девками [21, с. 263].

Наделенную гротескными подробностями картину трактирного загула с участием цыган рисует в поэме «Сашка» (1825 г.) А. Полежаев [20, с. 193]. Непременными участниками загулов являются цыгане и в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» [9, с. 75, 100, 109, 143].

В повести «Два гусара» Л. Толстого отмечено присущее цыганскому племени стяжательство, причем муж и жена вступают в своеобразный сговор ради общей цели – как можно больше получить от заезжих гостей, способы обретения благ самые разные, тут и вымогательство, и красноречивые посулы без слов [29, с. 260].

Ситуация эта типична – мемуарист С. Жихарев упоминает цыган как всегдашних участников празднеств и загулов [11, с. 125]. Про знаменитую цыганку Стешу он говорит, что певичца, «так же как и прежде, соловиным своим голосом действует на сердца и карманы своих слушателей и поклонников» [Там же].

На основании всего перечисленного можно заключить, что образ цыган – лжецов и стяжателей – отражен в русской литературе со значительной полнотой.

Нейтральный образ цыганки присутствует уже в притче А. Сумарокова «Цыганка», где эта представительница сословия, казалась бы, живущего обманом и внушением, ведет себя достойно и рассудительно [28].

В. Даль повествует в рассказе «Цыганка» о бедности этого народа, о том, что быт и внешний вид цыган могут казаться отталкивающими, но сказано это с долей сочувствия [8].

В ряде произведений авторы как бы уравнивают отрицательные черты цыган положительными. Например, в стихотворении «Цыганка» А. Полежаев рисует в целом привлекательный портрет героини. И хотя негативные черты цыганского племени подчеркнуты, удивительное искусство цыган заставляет многое прощать «фараонову племени» [20, с. 120-121]. На стихи эти откликнулся Л. Мей, создав стихотворение «Полежаевской фараонке» (1859 г.), своеобразную реплику в поэтическом диалоге [17, с. 54].

В композиции «О цыганах» (1873 г.) А. Апухтин, как бы взвешивая «за» и «против», перечислив отрицательные черты цыганского народа, делает вывод: сознавая все упомянутое, многие не променяют встречу с цыганами ни на что другое. Причина этого влечения – неподдельные эмоции цыган, наследие вольной жизни [2, с. 274-275].

Можно сказать, что поэма А. Пушкина «Цыганы» (1824 г.) узаконила в русской литературе тот положительный образ цыган, который впоследствии многократно репродуцировался. Пусть цыгане были изображены в качестве людей, абсолютно свободных нравственно, а поведение героини, не сдерживаемой условностями цивилизации, должно было неоднозначно восприниматься европейцем, персонажи эти получили высокую оценку. Английский филолог Дж. Борроу и немецкий санскритолог А. Ф. Потт характеризовали поэму, как лучшее в мировой литературе произведение, где представлен внутренний мир цыган [18, с. 58]. Справедливости ради, напомним, что у А. Пушкина встречается и другой взгляд на представителей «цыганского племени», так, в эпиграмме, обращенной против Ф. Булгарина, он говорит: «...на Парнасе ты цыган» [22, с. 159], являя оппонента. И все же положительный образ цыган утвердился именно после выхода в свет пушкинской поэмы.

Рядом с этим произведением явно проигрывают сочинения авторов, работающих в эстетической системе романтизма, например, повесть О. Сенковского «Турецкая цыганка» (1834 г.), где в целом привлекательный образ юной героини, пожертвовавшей собственной свободой ради того, чтобы спасти из долговой ямы отца, бледен и невыразителен [27, с. 378-406].

Высоко положительный образ героини встречается в стихотворении А. Апухтина «Старая цыганка» (конец 1860-х гг.). Героиня эта верна князю, который ее выкупил. Когда имение князя приняли в опеку, она безропотно терпела лишения, продала серебро и жемчуга, родила сына от любимого, несмотря на то, что была отлучена семьей князя, а когда узнала о его гибели на дуэли, переживала искренно и неподдельно [2, с. 105].

Из охарактеризованных выше возможных типов цыгана предпочтение было отдано положительному, который затем культивировался. Показательно, что после того, как тип цыгана в литературе и – шире – в искусстве оформился окончательно, этот положительный тип начинает также притягивать и ассимилировать черты, прежде воспринимавшиеся как отрицательные. Наиболее ярко выражена эта тенденция в несвободном от идеологического диктата искусстве советского периода.

Одно из важнейших цыганских «ремесел» – конокрадство, в пределах традиционного народного права жестоко наказуемое и уж никак не представлявшееся чем-то позитивным, – теперь выступает образчиком своего рода молодечества. Подобную сцену можно встретить в поэме «Улялаевщина» И. Сельвинского [26, с. 457]. Сколь данная тенденция характерна, показывает то, что массовая культура подхватила ее и со временем стала репродуцировать в «сниженном виде». Напомним хотя бы песню, которую исполняет герой кинофильма «Неуловимые мстители» (1966 г.) Яшка-цыган, с восторгом принимаемую аудиторией, бандитами из банды атамана Бурнаша.

Таким образом, интересующая нас тема к середине 1960-х гг. утратила актуальность, превратилась в культурное клише, психологический тип «цыгана» был усвоен русской культурой, неотъемлемой частью которой сделался и «цыганский текст» в целом. Подводя своеобразный итог развитию данного образа, появляются повесть Ю. Нагибина «Трудное счастье» [19] и роман А. Калинина «Цыган» [12], где в центре повествования оказываются представители цыганского народа. Через утраты и обретения герои этих книг приходят к счастью, которое рассматривается как единство с окружающей действительностью. Путь отдельного героя рассматривается здесь, как путь всего народа в пределах социалистической реальности и – шире – как символ развития народов СССР, постепенно перепахляющихся в новую единую общность «советский народ».

Список литературы

1. **Аблесимов А.** Мельник колдун, обманщик и сват // Русская драматургия XVIII века / сост., вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеевой. М.: Современник, 1987. 542 с.
2. **Апухтин А. Н.** Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. С. Ф. Дмитриенко. М.: Советская Россия, 1991. 384 с.
3. **Боткин В. П.** Письма об Испании / изд. подготовили Б. Ф. Егоров, А. Л. Звигильский. М.: Наука, 1976. 344 с.
4. **Вяземский П. А.** Эстетика и литературная критика / сост., подготовка текста, вступ. ст. и коммент. Л. В. Дерюгиной. М.: Искусство, 1984. 464 с.
5. **Герцен А. И.** Собр. соч.: в 30-ти т. М.: АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1954. Т. II. 516 с.
6. **Григорьев А.** Воспоминания / изд. подг. Б. Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. 440 с.
7. **Гусев В.** Песни, романсы, баллады русских поэтов // Песни русских поэтов: в 2-х т. / сост., подг. текста, вступ. ст., биограф. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л.: Советский писатель, 1988. Т. 1. С. 5-54.
8. **Даль В. И. (Казак Луганский).** Повести, рассказы, очерки, сказки / сост. Л. П. Козловой и В. П. Петушкова. М. – Л.: ГИХЛ, 1961. 462 с.
9. **Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч.: в 30-ти т. / АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
10. **Жихарев С. П.** Записки современника. Воспоминания старого театралы: в 2-х т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. 312 с.
11. **Жихарев С. П.** Записки современника. Воспоминания старого театралы: в 2-х т. Л.: Искусство, 1989. Т. 2. 525 с.
12. **Калинин А.** Цыган. М.: Молодая гвардия, 1992. 576 с.
13. **Ливанова Т.** Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. М.: Государственное музыкальное издательство, 1953. Т. II. 476 с.
14. **Лотман Ю. М.** Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / Академия наук СССР; Институт русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. В. Г. Базанов В. Э. Вацура, 1975. С. 25-74.
15. **Майков В.** Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и примеч. А. В. Западова. Л.: Советский писатель, 1966. 504 с.
16. **Маркевич Б. М.** Полн. собр. соч. СПб.: Тип-я (бывшая) А. М. Котомина, 1885. Т. 11. 430 с.
17. **Мей Л.** Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. К. К. Бухмейер. М.: Советская Россия. 1985. 256 с.
18. **Мурьянов М. Ф.** Пушкин и Германия. М.: Наследие, 1999. 446 с.

19. **Нагибин Ю.** Трудное счастье. М.: Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1956. 176 с.
20. **Полежаев А.** Соч. / вступ. ст. и примеч. В. И. Безъязычного. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 470 с.
21. **Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в.** / вступ. ст., подг. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л.: Советский писатель, 1959. 754 с.
22. **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч.: в 10-ти т. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1977. Т. 3. 495 с.
23. **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч.: в 16-ти т. / ред. Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Б. Л. Модзалевский, Д. П. Якубович; общ. ред. Н. В. Измайлов. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14. Переписка, 1828-1831. 547 с.
24. **Ром-Лебедев И.** От цыганского хора – к театру «Ромэн». Записки московского цыгана. М.: Искусство, 1990. 271 с.
25. **Ростопчина Е. П.** Талисман. Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / вступ. ст. В. Афанасьева. М.: Московский рабочий, 1987. 319 с.
26. **Сельвинский И.** Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1972. 958 с.
27. **Сенковский О. И.** Сочинения Барона Брамбеуса / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Кошелева и А. Е. Новикова. М.: Советская Россия, 1989. 496 с.
28. **Сумароков А. П.** Стихотворения / под ред. акад. А. С. Орлова при участии А. И. Малеина, П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского; вступ. ст. С. М. Бонди. Л.: Советский писатель, 1935. 486 с.
29. **Толстой Л. Н.** Собр. соч.: в 20-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 2. 480 с.
30. **Трубцкой Б. А.** Пушкин в Молдавии. Кишинев: Литература артистикэ, 1983. 395 с.
31. **Щербакова Т. А.** Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. М.: Музыка, 1984. 176 с.
32. **Языков Н. М.** Стихотворения и поэмы / вступ. ст. К. К. Бухмейер; сост., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской. Л.: Советский писатель, 1988. 592 с.

“GYPSY TEXT” AND ITS PLACE IN RUSSIAN CULTURE

Yagubov Boris Alekseevich

Literary Institute named after A. M. Gor'kii

bor-yagubov@yandex.ru

The article is devoted to the formation and functioning of “gypsy text” within the framework of the Russian culture, including the emergence of different artistic types of Gypsy, both “negative” and “positive” and “neutral”, from which over time the preference was given to “positive” type, which was later cultivated and reproduced many times.

Key words and phrases: “gypsy text”; A. Pushkin; L. Tolstoi; F. Dostoevskii; “pharaoh’s tribe”; cultural cliché.

УДК [821.161.1-1Белый]:82-95

Филологические науки

Статья посвящена исследованию поэмы А. Белого «Первое свидание» в аспекте специфики ее автобиографизма. Воспоминание в произведении рассматривается как форма неомифологического самосознания поэта. Природа самосознания автобиографического героя поэмы идейно и эстетически выявляется в системе религиозного откровения. Это позволяет осмыслить художественное пространство А. Белого в мифопоэтическом единстве.

Ключевые слова и фразы: воспоминание; символизм; апокалипсис; софиология; самосознание.

Яковлев Михаил Владимирович, к. филол. н., доцент

Московский государственный областной гуманитарный институт

mihaelramblerru07@rambler.ru

СВОЕОБРАЗИЕ АВТОБИОГРАФИЗМА В ПОЭМЕ А. БЕЛОГО «ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ»[©]

Созданная в 1921 году поэма «Первое свидание» имеет откровенно биографический характер. Она читается как бытописательская, стилистически и интонационно напоминая роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», а сам авторский герой интонационно похож и на Евгения Онегина, и отчасти на авторского героя самого Пушкина.

В 1921 году А. Белый параллельно работал над теоретическими исследованиями. В частности, это «Тезисы 12-ти лекций курса, прочитанного в 1921 году на тему — Самосознание как история». А также завершенная 10 октября в Берлине рукопись с общим названием «Основы моего мировоззрения». В 1926 году в Кучино он работает над сочинением «История становления самосознающей души». В этот ряд также входят эссе «Почему я стал символистом...» (1928 г.), «Воспоминания об А. Блоке» (1922 г.) и «Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (1922-1923 гг.) и примыкающие к ним «Воспоминания о Р. Штейнере» (1929 г.). Наконец, стоит включить в этот мемуарно-автобиографический перечень 3 книги воспоминаний: «На рубеже